

НИКОЛАЙ АФАНАСОВ*

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ В XXI ВЕКЕ: ПЛАНЕТАРИЗМ КРИСТИАНА МОРАРУ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ КРИСТИАНА МОРАРУ

MORARU C. READING FOR THE PLANET : TOWARD A GEOMETHODOLOGY. —
ANN ARBOR (MI) : MICHIGAN UNIVERSITY PRESS, 2015.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-1-299-314.

Книга Кристиана Морару «Reading for the Planet: Toward a Geomethodology» продолжает и дополняет ряд трудов и концепций последних трех десятилетий¹, спровоцированных осознанием неспособности и неполноты применимости предлагаемых концептуальных описаний процессов, происходящих в современном или, как было бы лучше выразиться в контексте рассматриваемой теории, постсовременном мире. В условиях отсутствия не только какой-либо наиболее влиятельной объясняющей и представляющей мир схемы, но и ограниченной адекватности и применимости существующих, вкупе со «смертью» постмодернизма, как метатеоретической объясняющей установки, автор предлагает свой собственный проект.

Если вычленять центральный тезис концепции Морару, которую тот именует «космодернизмом», то ключ к продуктивному пониманию мира лежит, во-первых, в *чтении* мира, особым образом представленного в художественных и философских произведениях, а, во-вторых, в перепределении предмета рассмотрения с концептов «мира», «глобального» на «*планету*». Характеризирующая черта самого состояния современности

*Афанасов Николай Борисович, младший научный сотрудник, Институт философии РАН (Москва), n.afanasov@gmail.com.

**© Афанасов, Н. Б. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹О наиболее важных и интересных попытках теоретически осмыслить социальную реальность после потери постмодерном как концептуальным аппаратом описания реальности позднего капитализма влияния можно прочесть в предисловии Александра Павлова к русскому переводу книги «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» Фредрика Джеймисона (Павлов, 2019: 42–49).

состоит в том, что она понимается недостаточно современно, поскольку, во-первых, теории, ее описывающие, опираются на устаревшую концептуальную базу социальной философии и левой культурной критики. А, во-вторых, современность не осознается как процесс перехода к «планетарности». «Планетарность» мира в данном смысле понимается автором, как радикальное завершение процесса омирщвления, когда мир становится действительно глобальным (Mogaŋu, 2015: 13).

Эта глобальность является наличной данностью, во многом игнорируемой философской мыслью, а не развивающимся, находящимся лишь в своем становлении процессом. Более того, именно в понимании планетарности мира, как окончательно завершившихся процессов социальных трансформаций глобального масштаба, лежит и само завершение планетарности. Таким образом, к построению предлагается проект геометодологии, призванный, с одной стороны, справиться с кризисами понимания современности, а, с другой — завершить ту современность, которая безнадежно устарела и не дает планете, движимой, соответственно, людьми и людьми в культуре, продвигаться дальше по неизбежному для себя пути развития.

Кристиан Морару, будучи ученым, профессионально связанным с литературоведческой деятельностью, использует значительное количество именно литературных источников для иллюстрации своих идей. Однако разнообразие иллюстративного материала не должно вводить нас в заблуждение: автор не является в данном случае заложником своей специализации, не способным возвыситься над материалом. Тем не менее, на этот факт необходимо обратить особое внимание, о чем будет еще сказано далее. В данном контексте напрашивается сравнение с тем, что один из самых влиятельных теоретиков, социально-философская концепция которого стоит в ряду классических интерпретаций постмодернизма, а именно Фредрик Джеймисон также профессионально занимался современной литературой.

Привлечение весьма значительного и разнообразного материала из художественной литературы, достаточно объемные цитаты из художественных произведений, а также наличие развернутых эпиграфов — по большей части литературных, но иногда взятых и из других произведений культуры — к каждой главе и подглаве, уже самих по себе провоцирующих определенную литературную игру с читателем, характеризует и метод, к которому он прибегает в своей работе, и одновременно же является применением этого метода к анализу состояния эпохи.

Тем самым методический проект космодернизма наряду со своим концептуальным описанием представлен сразу же в своем применении в рассматриваемой книге.

Говоря о роли эпиграфов, с целью прояснения замысла автора, было бы интересно вспомнить то, как Фредрик Джеймисон анализирует феномен экспериментального видео на примере «AlienNATION», сообщая о затруднении вынесения суждения о непривычном и сложном объекте без задающей координаты интерпретационной сетке, в самом простом и привычном виде выражающейся как обозначение. «Вопрос интерпретации — „о чем этот текст или произведение?“ — обычно подталкивает к тематическому ответу, данному, в самом деле, услужливым названием рассматриваемого видео — „AlienNATION“» (Джеймисон, Краlechkin, 2019: 233). Морару, будто бы не уверенный в том, что его идеи могут быть полноценно выражены в классическом философско-публицистическом стиле, предлагает читателю стать участником литературной и герменевтической игры, где эпиграфы помогают добраться до сути мысли философа, либо же понять сам вопрос, который ставит перед собой и читателем автор. Учитывая необычайно литературный и сложный, насыщенный иностранными словами и выражениями данными без перевода, и сложным синтаксисом язык, которым отличается книга, подобная игра хоть и не облегчает чтение, но облегчает понимание, попутно вписывая книгу в особый интертекстуальный контекст литературы второй половины XX века.

Литературность мышления Морару нашла свое отражение и в его ключевом концепте. История понятия «планетаризм» и его введения в оборот философского осмысления реальности открывается нам самим автором. Термин, который он заимствует предлагается — буквально в шутку — Фредериком Бегбедером в его романе «Окна в мир», в сцене в Нью-Йоркском кафе, где два главных героя сидят за чашкой кофе и придумывают, как им лучше назвать свою концепцию, чтобы термин не был «...ни слишком капиталистическим, ни слишком второстепенным, ни слишком Vivendi» (Moraru, 2015: 1-2). Сам Морару, однако, предостерегает читателя, с одной стороны, от поспешной солидаризации или слияния с позицией литературных героев Бегбедера, а, с другой — от восприятия предложенной идеи только лишь в ироническом ключе.

Свою книгу Кристиан Морару позиционирует как: «...в некотором роде воодушевленное эссе относящееся главным образом к литературно-критической теории и критике, но обращающееся и к вещам за пределами литературы» (ibid.: 2). Подобную декларативную установку,

учитывая дальнейший ход книги, необходимо интерпретировать в том смысле, что Морару выстраивает свою теорию уже отталкиваясь от некоторого рода методологических предпосылок, важнейшей из которых для нас будет специального рода культуроцентричность современной социально-философской мысли.

В самом деле, автор, несмотря на лаконичность и кажущееся отсутствие претенциозности в формулировках, предлагает понять не только социальную реальность, но и перспективный, и, в некотором смысле, неизбежный ход истории, опираясь главным образом на художественную литературу и артефакты культуры. Социально-философская концепция космодернизма говорит не только о состоянии эпохи, но и ее историческом развитии. Для Кристиана Морару тезис, еще в 30-е годы XX века казавшийся новаторским и отчасти спорным (Cassirer, 2011: 69), является непреложной истиной: культура заменила собой природу в сознании и жизни современных людей (Джеймисон, Кралечкин, 2019: 58–59). И путь к по-новому понятой природе, который должен быть пройден в процессе осознания мира, как планеты, лежит через критический анализ культуры, культурных форм и их места в жизни современного общества.

Казалось бы, для построения новой итерации «постмодернизма», который в данном случае мы употребляем, не как авторскую концепцию какого бы то ни было автора, но как философскую аналитику постсовременности, к коей, несомненно, относятся идеи Морару, необходимо обращение и к реальности «вне» культуры: к политике, экономике, географии. Касательно всех этих, на первый взгляд, независимых от культуры пластов реальности авторская позиция невероятно ригористична: говорить о географии, первом, втором, третьем и т.д. мирах было уже малоосмысленно после Второй мировой войны и стало совершенно бессмысленно в начале XXI века. Для Морару, как и для Джеймисона (там же) Вторая мировая война является событием в хронологии стоящим в ряду еще реальных и формирующих реальность. Впрочем, этот эпизод в истории уже не может быть и не должен быть понят, как реальность данная для анализа. Важно, что историческое событие стало фактом культуры и, чтобы понять эпоху, анализировать необходимо уже бесконечные отражения и интерпретации Второй мировой войны.

Но что с точки зрения Морару изменила Вторая мировая война? И, что важнее для целей нашего понимания, как именно он трактует и обосновывает изменения, ставшие отправным пунктом для начала

процесса превращения мира, состоявшего из множества миров, в единую планету? Автор говорит о литературном чувстве поразившего всех людей по разные стороны океанов бесчувствия в условиях появления угрожающей самому человеческому существованию бомбы (Moraru, 2015: 22). Творчество Томаса Пинчона, Джона Апдайка, Роберта Кувера, Мирча Кэртэреску и Дона Делилло пронизано этим общим ощущением (ibid.: 24). Но чувствования было недостаточно ровно также, как и размышлений таких влиятельнейших для XX века философов, как Деррида и Хайдеггер, к которым часто обращается Морару. Их понимание процессов, охвативших послевоенный мир, во многом адекватно, но не схватывает общей сути нарастающего процесса омирщвления и глобализации, поскольку в случае французского мыслителя концентрируется на «тактильности» мира и анализе частных последствий нарастающей релятивизации для конкретных индивидов и письма. В случае же немецкого философа мысль пронизана акцентами на трансформациях способов бытия человека, трансформирующихся в итоге в неизбежное бытие с другими (ibid.: 23, 36), но без социального анализа последствий происходящего.

Процесс омирщвления, понятый не качественно, но количественно для Морару выступает и синонимом собирания, и сетевизации общества, мира: «...мир, в котором омирщвление, „собрание“ набрало скорость, и даже более того *омирщвленный мир*, где омирщвление вступило в продвинутую фазу, структурно есть *реляционный мир*» (ibid.: 52). Эта относительность имеет место на двух уровнях: системной и субсистемной. Первая интуиция Морару здесь состоит в том, что направление развития общества на взаимозависимость всех систем, существ, объектов и географических мест мира достигло в некотором роде апогея, что означает невозможность игнорирования этой взаимозависимости. Ведь вне ее понимания исчезает само понимание вещей, неотъемлемой частью которых она стала. Вещи вне сетей — это только иллюзии вещей, артефакты прошлого, но не настоящее современности.

Говоря о субсистемном уровне, Морару имеет в виду, что все системы в мире могут в конечном итоге находиться в некотором отношении к планетарности, как наибольшей и в перспективе наиважнейшей из систем. Важно, что эта взаимозависимость, как объектов, так и систем еще не стала завершенным процессом, но достаточно быстро с восьмидесятых годов движется к этому статусу. Для космодернизма ключевыми являются не годы сразу после Второй мировой войны, когда в результате наступления фазы позднего капитализма, насытившей общество,

испытывавшее тяготы военного периода, массово произведенными товарами, услугами и смыслами (Джеймисон, Кралечкин, 2019: 88–90), формировался постмодерн и его концептуальные описания, но именно восьмидесятые: время падения Железного занавеса, диффузии капиталистического и социалистического миров, а также и субсистемной доминанты во взаимозависимостях остальных систем. В исторической хронологии для анализа истоков современности ключевым становится совсем другой исторический период — эра крушения социалистического блока.

Казалось бы, для процессов описываемых Морару нет нужды изобретать новую теорию, поскольку глобализация — явление достаточно известное и разработанное во многих других социально-философских концепциях. Но глобализация, согласно Морару, не является процессом *sui generis*, заслуживающим особого внимания, если говорить о философии настоящей и грядущей современности. Важен результат этого процесса — планетаризм. Сравнивая полемическую ситуацию планетаризма или космодернизма с той ситуацией, в которой в свое время находился постмодернизм, Морару пишет: «Как постмодернизму, которому в его лучших эстетических, теоретических и философских реализациях удавалось говорить против доминирующих языков, ему приходилось говорить при помощи мимики, пародии, креолизации, чтобы говорить вообще, так и планетаризм может и должен концептуально уступить целиком или полностью от самой своей сути, спасая глобальное» (Moraru, 2015: 48).

Целью предприятия Морару является построение более удовлетворительной, в сравнении с теориями глобализации, описательной модели. Эту модель можно было бы охарактеризовать не просто как социальную теорию, но как социальную философию, поскольку в нее зашито этическое, ценностное измерение. Методы, как уже отмечалось выше — это «...считывание эстетики и культурных „симптомов“ планетарности» (*ibid.*). И, во многом благодаря избранной методологии, философская концепция Кристиана Морару получает ценностный профиль. Несмотря на то, что прямо автор нигде не говорит о грядущих или уже настоящих опасностях ложного понимания современности и ее закономерностей, общий дух его концепции призывает понять мир, чтобы спасти планету. Ведь поняв мир, как планету и отказавшись от раздвоенности в интерпретации современности с устаревших позиций, человеку, живущему в настоящем, удастся гармонично существовать.

Этическое содержание космодернизма, с нашей точки зрения, проистекает, во-первых, из сходной по общему тону с хайдеггеровской

оценкой перспектив сложившейся во второй половине XX века ситуации (Хайдеггер, Биbihин, 2007), поскольку понимание планеты, как целого, ставшего таким в результате экспансии культуры, поддержанной развитием технических средств, рождает не только угрозу, но и надежду. А также, исходя из содержания имманентно присущих методологии космодернизма этических, ценностных высказываний. Ведь Морару в первую очередь анализирует современную литературу, которой, несмотря на весь ее экспериментальный характер, присущи ценностные высказывания или, если выразиться сильнее, идеологически нагруженное содержание. Каждый роман Фредерика Бегбедера, чей термин, напомним, послужил названию концепции, если мы и не возьмем на себя смелость говорить, что дает определенную этическую оценку ситуации, — как правило, он порождает дискуссию этического толка в обществе (Gauthier, 2013: 118–119). А сам факт дискуссии и возникающего желания у публики дать этическую оценку литературному высказыванию не может быть проигнорирован.

По ходу текста, Морару постоянно возвращается к тому, чтобы сформулировать, а затем переформулировать, как свои задачи, так и ключевые понятия теории космодернизма. Учитывая, что подчас эти определения достаточно расплывчаты и выражены в совершенно разных терминах, что в контексте основных смысловых понятий его теории ставит вопрос об адекватности понимания замысла автора, большой удачей для читателя является то, что ключевой концепт «планеты» определен отдельно: «Таким образом, для различения с „Землей“ и „глобальным“, я определяю „планету“ и „планетарность“ и как существительное, и как атрибут, соответственно, обозначающий и характеризующий жидкую, полицентричную, множественную, и плюрализирующуюся структуру соотнесенности, разворачивающуюся в тройном измерении геокультурного пространства, дискурсивной модальности и критико-образной структуры или эпистемы, все из которых приведены в соответствие к не-тоталистским, не-гомогенизирующим и анти-гегемонистским операциям экзистенциально, также как и культурно, познающим в природе» (Moraru, 2015: 51).

Остается вопрос, что нужно читать, чтобы прочесть в том многогранном и плюралистическом мире современности тенденцию к планетаризации. Кристиан Морару, очевидно, не может говорить о гегемонии одной системы, будь она идеологической, или культурной над другой. Поэтому любопытен выбор наиболее с его точки зрения репрезентативного литературного произведения — романа китайско-французского

писателя и режиссера Дай Сицзе «Бальзак и портниха-китайночка», изданного одновременно и на французском и на английском языках в 2001 году. В 2002 году роман был экранизован его же автором. Выбор, который он сам делает, анализируя роман в своем труде.

Центральным тезисом при обращении к литературе выступает утверждение, что литература после Холодной войны — это «не „просто“ литература, но *мировая* литература» (Moraru, 2015: 126). А что может быть лучшим примером мировой литературы, чем книга, посвященная межкультурному диалогу во времени, пространстве и между языковых барьеров. И сама книга, в политическом контексте ее написания работы с травмой китайской культурной революции, и ее содержание, повествующее о двух молодых людях, которым попадает в руки чемодан с запрещенной западной литературой, в числе которой находится и Бальзак, с позиции философа свидетельствуют об универсальности литературы вообще, именно по факту универсальности смыслов, которые порождает чтение литературы у читателя вне зависимости от его культурной принадлежности и уровня образования. Морару в принципе интересуют «посткоммунистическая» литература, как симптом завершения процесса глобализации, к которой он уже обращался в сборнике «Postcommunism, Postmodernism, and the Global Imagination», редактором которого он и выступил (Postcommunism..., 2009).

Тон, в котором теоретик обращается к литературным произведениям, созвучен тому умонастроению, которое представляется Кристиану Морару наиболее важным и актуальным в философии XX века: важности фигуры Другого. Именно с этой позиции философ расценивает актуальность для осознания будущей эпохи философские идеи Левинаса, Деррида, Хайдеггера и ряда других европейских мыслителей. Вторя заигрыванию Левинаса с символами советского коммунизма и достигший социализма в эссе «Хайдеггер, Гагарин и мы» (Левинас, 2004: 522), где французский философ пишет об угрозе потери мира, но и возможностях его нового обретения, Морару говорит о том, что, потеряв мир развитого модернизма, в котором изолированные узкие коридоры ведут к индивидуальным комнатам, мог существовать классический буржуазный субъект (Джеймисон, Кралечкин, 2019: 263–264), мы, возможно, получаем возможность обрести планету и себя как новых людей сопричастных друг другу и сопричастных общей культуре вне замкнутых помещениях, но распространенной в глобальной сети.

Подводя итог проекту Кристиана Морару, как применение, так и описание которого могло запутать даже самого искушенного читателя,

обратимся к той особенности книги, которая была отмечена и которая должна помогать читателю сориентироваться в труде, а именно к эпиграфам к главам, а также к самой обложке издания, соотносённость которых с содержанием труда не может быть случайна. В начале книги выведены три эпиграфа. Первый — это строчка из стихотворения «Порицания невинности» Уильяма Блейка, второй — фрагмент из работ Ханны Арендт 1930–1954-х гг. и, наконец, цитата современной исследовательницы социально-философских теорий и постмодернизма Сьюзан Фридман. Рискнем предположить, что последовательность этих отсылок коррелирует как со структурой самой книги, так и с замыслом автора.

Строчку из Блэйка «увидеть мир в частице песка» в контексте проекта космодернизма можно трактовать, как, с одной стороны, обоснование критического метода, обращенного к частностям культуры, так и как утверждение глобальной соотносённости всех объектов, наполняющих мир, благодаря которому лишь и возможно говорить о грядущем процессе завершения глобализации и трансформации мира в планету. При том, что фактическим существованием обладают только лишь объекты мира, представленные в сознании людей через опосредование этих объектов массовой сетевой культурой. При этом само обращение к творчеству Уильяма Блейка, американского поэта XIX века, который, казалось бы, не должен являться репрезентативным для описания состояний, следующих за поздним модерном, есть особого рода интерпретация. Ведь Блейк уже не существует в пространстве культуры XIX века, но существует в культурном пространстве, форматируемым в том числе и Морару и именно в этом ключе и должна быть понята его поэтически выраженная мысль.

Следом идет фрагмент из эссе Ханны Арендт «Понимание и политика» о воображении, обеспечивающим понимание, превосходящее близорукость и ограниченность отвлеченного знания, часть из которого имеет особый смысл процитировать: «Без такого рода воображения, каковое на самом деле есть понимание, мы никогда не смогли бы определить свое место в мире. Это наш единственный внутренний компас. Мы современники лишь настолько, насколько достигает наше воображение» (Арендт, Бондал и Васильева, 2018: 538). Кризис в понимании современности может и должен быть преодолен посредством отказа от старой познавательной парадигмы, полагающей наиболее адекватным способом работы с действительностью анализ единичных, изолированных вещей, либо же абстракций высокого уровня, определяющих вещи, а лишь затем комплексов, которые они составляют.

Сами вещи, как полагает Морару, в нашу эпоху изменились, и сетевизация, повсеместно присущая им и структурам мира, является их сущностной частью. Соотнесенность с сетевыми структурами может быть познана посредством работы воображения, которое, на самом деле, всегда работает при обращении с вещами в повседневной жизни. Задача лишь дать воображению место и на теоретическом уровне. Обращение к Арндт, чья философская мысль прямо связана с действием, характеризует и практический, деятельный характер рассматриваемого проекта. Несмотря на то, что сам Морару не говорит о конкретных шагах, которые могли бы быть предприняты кем-либо для трансформации мира в планету, эта интенция книги представляется очевидной. Морару стремится изменить мир, объясняя его, или лучше было бы сказать, призывая «вообразить, представить» его по-новому. Несколькими страницами ранее в том же эссе, подчеркнем, посвященном неспособности интеллектуальной борьбы с идеями тоталитаризма, Арндт пишет: «Понимание предшествует знанию и следует за ним. Предварительное понимание, являющееся основой всего знания, и подлинное понимание, которое его превосходит, имеют следующую общую черту: они делают знание осмысленным» (Арндт, Бондал и Васильева, 2018: 515–516). А осмысленность знания ведет, в свою очередь, к трансформации практической деятельности.

Завершает трехчастный эпиграф фрагмент из работы Сюзан Фридман о статусе исследований модернизма: «Планетарность не угроза. Это возможность. Она означает покидание зоны комфорта и перемещение в зону контакта» (Moqanu, 2015: v). Эта сознательная переключка с хайдеггеровской мыслью симптоматична для теорий постсовременности. Самой ее отличительной чертой является возможность оптимизма при взгляде в будущее, будущее новых возможностей. И в этом отношении Кристиан Морару не просто указывает на возможности сетевого будущего и в действительности глобального мышления о мире, как планете, но и, прибегая вполне к конкретной литературной традиции, рассматривает его как возможность и реальность этического сосуществования людей в планетарном, до конца омирщвленном мире. Мир из непознаваемого, не воображаемого объекта посредством работы воображения должен быть представлен, не как место внешней тотальности по отношению к познающему его субъекту, но как обиталище, соразмерное в своей сетевой структуре человеку.

Обложка книги, представляющая собой коллаж из различного рода изображений и символов разных эпох и культур, может быть интерпретирована как изображение планеты и ее фотографического негатива на голубом фоне. Планета напоминает клетку живого организма, или же является клеткой живого организма, напоминающей планету. Определение и негатива и черно-белого изображения планеты, именно как планеты происходит, с одной стороны, в результате схематического человеческого взгляда, весьма схожего с древнеегипетской традицией росписи погребальных масок, присутствующего на обложке. Затем на помощь интерпретатору приходит перспектива парящего спутника присутствующего на изображении. И, в конце концов, само название труда порождает структурное соотнесение предмета, как книги, так и изображения с Землей. Морару, стараясь выйти из, как он демонстрировал де-факто не существующего положения абсолютного европоцентризма, или даже американоцентризма постмодернистской философии и современной культуры вообще, использует ориенталистскую символику взгляда именно для того, чтобы подчеркнуть, что неважно, какие глаза смотрят на Землю с перспективы спутника. Наука, сетевизация не упраздняют взгляд человека, но дают ему новую возможность увидеть за кажущимся биологическим и физическим, в перспективах и микроскопа и телескопа (Moraгу, 2015: 94), культурное, прочитать в символах планету, как целое.

Для критической оценки концепции космодернизма и планетаризма, которые в философской мысли Кристиана Морару выступают синонимичными понятиями, необходимо вспомнить о том, в каком отношении и в каком контексте произошло появление его идей. В первую очередь необходимо отметить, что философским истоком, давшим импульс размышлениям теоретика эпохи является дискуссия об утрате мира в результате научно-технического прогресса, имевшая место в европейской мысли середины XX века. Вопрос о технике, впервые поставленный Мартином Хайдеггером, и множественность ответов на него со стороны, как литературы научной, художественной и вплоть до новых технических достижений (полет Юрия Гагарина в космос). Затем рефлексия социальной и философской мысли над изменившимся характером производства, его особой массовизацией и включением в орбиту позднего капитализма культурной индустрии.

Саму позицию Морару в этом вопросе мы могли бы охарактеризовать как условно позитивную и оптимистичную, поскольку с его точки зрения растущая сетевизация людей, мест и культурных объектов,

нивелирующая значение их замкнутой самостоятельности и переводящая их в статус культурных смыслов доступных каждому, не ведет к гибели жизненного мира человека, а, напротив, расширяет его до невероятных пределов. Тоска о кончине старого мира под натиском технологии и массовой культуры преждевременна и бессмысленна, поскольку мир рутины повседневности, важности трудностей географии и пространства, а не приоритета мобильности, ломающей тотальность и непроницаемость больших расстояний, невозможно вернуть. Однако в результате окультуривания реальности человек получает в свое распоряжение доступ ко всему миру сразу.

Любопытно, что помимо обращения к технике, всплывает и языковой пласт реальности, который, кажется, также подвергается утрате в реальности современной эпохи. Философ Борис Гройс так прокомментировал философскую позицию Хайдеггера в отношении языка и возможностей его утраты: «Прежде всего, он очень ответственно и серьезно относился к языку. Он верил в то, что немецкий язык — это язык философии. И для него победа немецкого языка была важна. Он предвидел его крах и поражение. Он видел прообраз этого поражения в поражении, которое греческому языку нанесла латынь» (Гройс, 2018: 49). При этом Морару настаивает на чтении именно в языковом, литературном отношении.

В данном контексте эта методологическая претензия выглядит излишне самоуверенной и поверхностной, поскольку если претензия постмодернизма, где визуальные медиа являлись ключевым транслятором культуры, упраздняющим языковые барьеры, еще может быть понятна, то говорить о глобализации в языковом отношении не приходится. Более того, в последнее десятилетие скорее заметен тренд на автономизацию национальных языков. Их включение в дискурс англоязычного литературоведения не делает их по-настоящему глобальными в реальном отношении культурного влияния, поскольку, в первую очередь, не происходит их массовизации. В этом отношении классическое признание важности визуального все же выглядит для нас первостепенным при анализе эпохи. Концепция Морару, таким образом, должна быть понята не как содержащая инструментарий по работе с современной культурой, как таковой, но как культурная критика авангарда культуры, преимущественно литературного, в котором по мнению философа угадываются контуры будущей (или уже наступившей?) эпохи. Критика, однако, не учитывающего всей сложности ситуации трансформации характера и статуса национальных языков, достаивающаяся подчас полярных оценок: «...искусство, язык визуальных форм избежит этой опасности,

выживет в этой катастрофе. Теперь катастрофа произошла, потому что утрачены все языки. Немецкий утрачен, французский утрачен, да и все остальные, даже английский утрачен. [...] То есть язык обанкротился во всех его вариантах, в то время как визуальная культура вместе с телевидением, с Голливудом функционирует дальше» (Гройс, 2018: 50).

В ряду теорий, претендующих на описание современной эпохи, и стоящих в хронологическом и позиционном отношении после постмодернизма космодернизм интересно было бы сравнить с концепцией диджи-модернизма Алана Кирби.

Диджимодерн посредством новых изобретений (айпод, персональный компьютер, смартфон, интернет и т. д.) позволяет человеку создать «личную вселенную», в которую при желании можно никого не допускать и вообще прекратить всякую коммуникацию. С помощью всех упоминаемых средств человек создает те самые «тексты». Они в свою очередь нормализуют и делают гламурным состояние не-социализации и не-коммуникации, которое можно рассматривать в некотором роде как «псевдоаутистическое». Таким образом становятся нормой легкомыслие, сверхчувствительность, невежество, проблемы с концентрацией внимания, самодовольство, пустая терпимость, социальная некомпетентность и т. д. В конце концов, «нормой становится состояние консьюмеризма; все, что враждебно относится к консьюмеризму, сводится к психическим заболеваниям». Кирби приходит к мрачному выводу, что общество, которое сегодня так здорово производит аутизм, не заслуживает того, чтобы выжить, — «и не выживет» (Павлов, 2018: 209).

В первую очередь обращает на себя внимание различие в подходах к описанию эпохи, хотя отправная точка все та же — это развитие технологии, дающей каждому человеку возможность быть онлайн со всем остальным миром. Однако Алан Кирби смотрит на ситуацию с феноменологической позиции социального теоретика, а взгляд Кристиана Морару можно было бы назвать «фикшн-литературным», что не добавляет убедительности его выводам. Не солидаризируясь с позицией теоретика диджимодернизма, следует отдать ей несомненное методологическое предпочтение, как по убедительности, так и по релевантности выводов и применимости к социально-философскому анализу современного общества. Складывается впечатление, что ценностно-нагруженный гуманизм, почерпнутый космодернизмом из гуманистической литературы, сыграл с ней злую шутку, заслонив реальность иллюзией всеобщего благополучия в грядущей сетевизации мира и людей, которая породит новый человеческий дом.

Проект философского осмысления современной эпохи под названием «космодернизм», однако, отнюдь не следует списывать со счетов. Геометодология, предложенная Кристианом Морару, пусть и неосознанно, но движется в русле осмысления истории Земли, протекающей в последние несколько столетий под воздействием антропогенного фактора. И вектор ее движения задан в уникальном ключе: не осознанием экологической катастрофы, не угрозой технологии, как всему живому, так и тому, что на протяжении всей человеческой истории называлось «человеческим», а универсальностью литературного опыта читающего человека и универсальностью смыслов литературного высказывания. Морару в своей книге обходит стороной философские основания такой универсальности, но спешит сделать вывод о том, что в ней прорисовываются контуры завершения процесса глобализации мира до планеты. Обходятся стороной и такие феномены современности, очевидно не вписывающиеся в картину, предложенную философом, как ренессанс правой политической мысли, новый консерватизм, отступление секуляризации и многое другое, что противится гуманистическому пафосу литературы, и составляет предмет актуальной дискуссии о современности и ее образах.

Книга Кристиана Морару «Reading for the Planet: Toward a Geomethodology» вышла в свет в 2015 году, подытоживая и разъясняя концепцию, над которой он работал на протяжении фактически десятилетия. Бросая взор на интеллектуальный путь автора, важнейшим является рубеж 2001 года, когда вышла его первая книга, посвященная собственно осмыслению современной эпохи (Moraru, 2001). Это осмысление было проведено в теоретической и концептуальной рамке постмодернизма Фредрика Джеймисона, чье философское влияние ощущается и в рассматриваемой нами работе.

Вместе со многими другими социальными теоретиками Кристиан Морару предпринял попытку дать собственную рефлексию о наступающей современности, чье схватывание в терминах, кажется, становится все более утопическим проектом с каждой новой неудачей появляющихся теорий. Однако космодернизм со всем его гуманистическим пафосом, оптимистичным взглядом в будущее и нетипичной методологической программой в ряду таких попыток выглядит изящно и интересно. Тем не менее для восполнения пробелов в реализации философского проекта планетаризма, посвященного осмыслению последствий завершающейся глобализации потребуется то самое сосуществование и диалог с другими философскими концепциями.

ЛИТЕРАТУРА

- Арендт Х.* Понимание и политика (трудности понимания) // *Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / пер. с англ. Е. Бондал [и др.]*. — М. : Институт Гайдара, 2018. — С. 508–539.
- Гройс Б.* «Квентин Мейясу — это в чистом виде Сталин» : интервью с Борисом Гройсом // *Логос*. — 2018. — Т. 28, № 4. — С. 27–54.
- Джеймисон Ф.* Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма / под ред. А. Олейникова ; пер. с англ. Д. Кралечкина. — М. : Институт Гайдара, 2019.
- Павлов А. В.* Образы современности в XXI веке: диджимодернизм : рецензия на книгу Алана Кирби // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2018. — Т. 2, № 2. — С. 197–212.
- Павлов А. В.* Странная жизнь постмодернизма // *Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон ; под ред. А. Олейникова ; пер. с англ. Д. Кралечкина*. — М. : Институт Гайдара, 2019. — С. 7–56.
- Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Время и бытие*. — СПб. : Наука, 2007. — С. 306–329. — (Слово о сущем ; 70).
- Cassirer E.* Zur Logik der Kulturwissenschaften. — Hamburg : Felix Meiner Verlag, 2011.
- Gauthier T.* French Fiction, Empathy, and the Utopian Potential of 9/11 // *Studies in 20th & 21st Century Literature*. — 2013. — Vol. 37, no. 1. — P. 113–142.
- Moraru C.* Rewriting : Postmodern Narrative and Cultural Critique in the Age of Cloning. — Albany, New York : SUNY Press, 2001.
- Moraru C.* Reading for the Planet : Toward a Geomethodology. — Ann Arbor (MI) : Michigan University Press, 2015.
- Postcommunism, Postmodernism, and the Global Imagination / ed., with a forew., by C. Moraru*. — New York : Columbia University Press, 2009.

Afanasov, N. B. 2019. "Obrazy sovremennosti v XXI veke: planetarizm Kristiana Moraru [Images of Modernity in the Twenty-First Century: Planetarism of Christian Moraru]: retsenziya na knigu Kristiana Moraru [a Review of Christian Moraru's Book]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (1), 299–314.

NIKOLAI AFANASOV

JUNIOR RESEARCHER, INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE, MOSCOW

IMAGES OF MODERNITY IN THE TWENTY-FIRST CENTURY: PLANETARISM OF CHRISTIAN MORARU

A REVIEW OF CHRISTIAN MORARU'S BOOK

MORARU, C. 2015. *READING FOR THE PLANET: TOWARD A GEOMETHODOLOGY*. ANN ARBOR (MI): MICHIGAN UNIVERSITY PRESS

DOI: 10.17723/2587-8719-2019-3-1-299-314.

REFERENCES

- Arendt, Kh. [Arendt, H.] 2018. "Ponimaniye i politika (trudnosti ponimaniya) [Understanding and Politics (Difficulties of Understanding)]" [in Russian]. In *Opyty ponimaniya, 1930–1954. Stanovleniye, izgnaniye i totalitarizm [Essays in Understanding, 1930–1954. Formation, Exile, and Totalitarianism]*, trans. from the English by Ye. Bondal et al., 508–539. Moskva [Moscow]: Institut Gaydara.
- Cassirer, E. 2011. *Zur Logik deg Kulturwissenschaften* [in German]. Hamburg: Felix Meiner.
- Dzheymsion, F. [Jameson, F.] 2019. *Postmodernizm ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism]* [in Russian]. Ed. by A. Oleynikov. Trans. from the English by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Institut Gaydara.
- Gauthier, T. 2013. "French Fiction, Empathy, and the Utopian Potential of 9/11." *Studies in 20th & 21st Century Literature* 37 (1): 113–142.
- Groys, B. 2018. "'Kventin Meyyasu — eto v chistom vide Stalin' [I See Quentin Meillassoux as Exactly Like Stalin]: interv'yu s Borisom Groysom [an Interview]" [in Russian]. *Logos* 28 (4): 27–54.
- Khaydegger, M. [Heidegger, M.] 2007. "Vopros o tekhnike [Die Frage nach der Technik]" [in Russian]. In *Vremya i bytiye [Zeit und Sein]*, 306–329. Slovo o sushchem 70. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Moraru, C. 2001. *Rewriting: Postmodern Narrative and Cultural Critique in the Age of Cloning*. Albany, New York: SUNY Press.
- , ed. 2009. *Postcommunism, Postmodernism, and the Global Imagination*. With a forew. by C. Moraru. New York: Columbia University Press.
- . 2015. *Reading for the Planet: Toward a Geomethodology*. Ann Arbor (MI): Michigan University Press.
- Pavlov, A. V. 2018. "Obrazy sovremennosti v XXI veke: didzhimodernizm [Images of Modernity in the Twenty-First Century: Digimodernism]: retsenziya na knigu Alana Kirbi [A Review of Alan Kirby's Book]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* 2 (2): 197–212.
- . 2019. "Strannaya zhizn' postmodernizma" [in Russian]. In Dzheymsion 2019, 7–56.